

Интервью с Михаилом Великановым, опубликованное в газете «Рабочий путь» 13 августа 1999 года.

«Я журналист из другого мира»

Судьба не отличается объективностью. Одного, часто не самого лучшего представителя рода человеческого, она делает своим любимчиком. И плывет он по жизни, обласканный и безмятежный. Другого же, неизвестно за какие грехи впавшего в ее немилость, швыряет, прижимает, ломает, заставляет выделять такие коленца, что дух захватывает. А может быть, как раз в том и проявляется пристрастие судьбы, что, накаляя, обостряя жизнь, дает она почувствовать всю ее полноту и вкус. У Михаила Великанова сколько угодно причин не называть себя баловнем судьбы. И в то же время быть ей благодарным. Впрочем, давайте послушаем его самого.

- Михаил Иванович, в вашей трудовой биографии удивительным образом переплетаются два, на мой взгляд, отрицающие друг друга занятия - журналистская и чиновничья деятельность.

- Вы хотите спросить, как мне удавалось их совмещать? А никак. Когда я занимался журналистикой, не был чиновником, и наоборот. Потому что - здесь вы правы — журналист — это человек более-менее свободной профессии, а чиновник всегда ограничен рамками, его работа строго регламентирована. Почему меня швыряли от свободы к несвободе? Потому что есть еще такое понятие, как партийная дисциплина. В 1988 году меня по инициативе тогдашнего первого секретаря обкома партии Власенко перевели на должность зав. сектором печати. Это не было признанием моих заслуг на посту зам. редактора «Рабочего пути». Просто раскритикованный мною секретарь использовал старый метод избавления от неугодных людей и продвинул меня повыше. Отказаться от такой

«чести» в те годы значило поставить крест на своей карьере. Потом был сложный и интересный период работы в качестве помощника первого секретаря обкома Самородского, сменившего Власенко. Сложный потому, что в 1990-1991-м годах компартия переживала острейший кризис. Именно тогда обозначилась, как это ни парадоксально, ее двухпартийность. Была партия людей, называющих себя коммунистами, но готовых предать все и вся ради своих личных интересов. И были коммунисты, сплоченные идеей равенства, социальной справедливости.

Потом работал помощником у депутата Госдумы А. И. Лукьянова. Считаю эту свою деятельность логическим продолжением прошлых обязанностей. Более того, это были годы дополнительной учебы и практики у образованного, интеллигентного человека, опытного политика, последовательно и бескомпромиссно отстаивающего свои взгляды.

А возвращаясь к дилемме - журналист или чиновник, выскажу предположение, что на посту редактора молодежной газеты «Смена», заместителя редактора «Рабочего пути» приходилось впрягать в телегу «коня и трепетную лань», то есть подчинять «осознанной необходимости» свое журналистское стремление к свободе.

- **Вы, вообще-то, верите в то, что журналист может быть независимым?**

- Нет. Так же, как не может быть независимым любое СМИ. Представим такую ситуацию: богатое издание, огромный штат сотрудников, современное техническое оснащение. За всем этим, что вполне естественно, стоит определенный человек – хозяин. И пусть он трижды прогрессивен и лоялен, но если что-то из напечатанного в газете войдет в противоречие с его интересами, он что, будет на это благодушно взирать? Как бы не так! Это мы рассмотрели оптимальную ситуацию. В нашей же стране нет даже иллюзии независимости. Потому что все средства массовой информации буквально поставлены на колени. Делается это с помощью экономической удавки. Например, нормально ли это, когда

кондапожскую бумагу финнам продают значительно дешевле, чем своим потребителям? Зависимость создается и в результате действия такой нормативной базы, когда журналист становится постоянным ответчиком в судах. И шанс выиграть процесс практически равен нулю. Или такое обстоятельство: как вы думаете, может ли быть независимым и раскрепощенным нищий, голодный человек? А ведь в большинстве случаев таковыми являются журналисты. Исключение составляют разве только работники центральных СМИ.

- **Но, согласитесь, и сами журналисты далеко не всегда являются собой пример бескорыстности и высокой нравственности.**

- Соглашаюсь. Однако думаю, и вы не станете возражать против того, что нынче профессия журналиста - одна из самых незащищенных.

- **Конечно. И здесь, уж извините, мне хотелось бы бросить упрек и в ваш адрес, как председателя Смоленского союза журналистов.**

- Союз журналистов - общественная творческая организация. Его возможности весьма скромны. Это я говорю не в качестве оправдания. Просто считаю, силами одного Союза нам не справиться с теми негативными тенденциями, которые наметились в журналистике и вокруг нее. Мне думается, нужна четкая государственная политика, законодательная база, нам надо создавать свой собственный профессиональный Союз.

- **Вернемся к вопросу о независимости прессы. У меня лично такое впечатление, что даже во времена жесточайшей цензуры она была посвободнее. Тогда были «неприкасаемые» лица, но не столько, как сейчас. Нынче попробуй тронь какого-нибудь рекламодателя самой что ни на есть средней руки. Он сразу в крик: понесу рекламу в другую газету, лишу вас своих денег! Есть категория людей, которая просто обожает судиться с журналистами.**

- Все правильно. Но лично я на первое место поставил бы именно

экономическую зависимость. Поэтому, как выразился на заседании Секретариата Союза журналистов России президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов, сейчас перед многими изданиями стоит вопрос, как выжить в плену, а не как не сдаваться в плен. Раньше, во времена упомянутой вами цензуры, могли снять строптивного редактора. Но коллектив оставался, и газета жила. Теперь, если официальная власть, а тем более криминальная, захочет растоптать издание, уничтожить его - нет ничего проще. Особенно если речь идет о городских или районных газетах, за спиной которых не стоит крепенький «дядя».

- А комитет по средствам массовой информации и полиграфии может выступать в качестве такового?

— «Я вам не скажу за всю Одессу», но, что касается нашего смоленского, - сомневаюсь. И вот почему. Во-первых, это структура областной администрации, и потому она уже ангажирована. Во-вторых, в этом комитете нет ни одного специалиста, знающего толк в издательском деле, полиграфии, тем более - в журналистике (хотя у нас считают, что каждый при желании может, если не быть журналистом, то в этом деле разбираться). Вообще, у меня такое впечатление, что комитет создавался под определенных людей, а не для конкретной помощи средствам массовой информации. И еще вот что меня смущает: желая доказать свою необходимость, в комитете взялись выполнять не свойственные этому органу функции. Начали, например, проводить творческие семинары для журналистов районных газет. Я не к тому, что учеба не нужна. Еще как нужна. Но пустое брюхо к учению глухо. Если работники редакций по полгода не получают и без того мизерные зарплаты, если полиграфическая база в таком состоянии, что партизанские листовки по сравнению с нынешними районными газетами кажутся шедевром печатного искусства, если нет денег на бумагу, развалился транспорт - так «до того ль, голубчик, было». А вот если бы чиновники из комитета закупили оптом бумагу и продали ее газетам, если бы помогли районщикам — выбили транспорт,

озаботились бы полиграфической базой - вот тогда никто бы не посмел бросить камень в их огород.

— А пока что, насколько я понимаю, они пасутся в вашем огороде. Семинары ведь - прерогатива Союза журналистов. Хотя «комитетчики» на этих семинарах еще и кормят. А с вас что возьмешь, кроме скромного фуршета в день независимой прессы?

- Вот-вот, независимой...

- Ну, хорошо, мы уже выяснили, что независимой прессы нет и быть не может. А как насчет профессионализма?

- Тоже ничем вас порадовать не могу. Из журналистики исчез нормальный, обычный человек, остались политические деятели, администраторы. Напрочь пропали жанры, требующие серьезного, вдумчивого подхода. Где аналитические статьи, фельетоны, очерки? Сплошные информации и интервью — самое легкое и доступное.

- Не скажите. Информацию тоже надо найти. А фельетонов нет - так, может, их время прошло?

- Их время ушло, зато пришло время дилетантов. Русский язык как следует не освоили, не всегда знают значение слов, которые употребляют. Зато легкость в мыслях — необыкновенная. А ради красного словца готовы продать маму и отца.

- Михаил Иванович, а не говорит ли в вас профессиональная зависть? Нет, не к тому, что русский язык не знают, а завидуете им в том, что могут писать, не наступая на горло собственной песне. Вы же работали в условиях, когда шаг вправо-влево - и готов выговор. Вспомните, как вас за Высоцкого шкурили.

— Да, я рад, что нет цензуры, нет необходимости сочинять отклики на маразматический бред, писать за механизаторов и доярок. Но, с другой стороны, мне очень не нравится та вольница, которая гуляет по некоторым газетам. Разве обязательно, критикуя кого-то, залезать к нему в постель (фигурально, конечно)? Неужели такая доблесть – выворачивать наизнанку

личную жизнь своего героя? Не нужны бблиты, но нужен внутренний цензор.

- **Скажите, как так могло случиться, что вы, человек, получивший столько тумачков от компартии, стали ее ярим защитником и пропагандистом?**

– Ярим это слишком сказано. Я бы себя вообще коммунистом не называл. Это все равно, что заявлять: я — красивый. Взгляды, как всякий нормальный человек, да, менял. Но не убеждения. И чем уж так плохи коммунистические идеалы? Почему принцип социальной справедливости надо подвергать осуждению? Ну, осудили. Что получили взамен? Бандитское государство. Я шесть лет проработал в самом «тяжелом» отделе «Рабочего пути» - партийной жизни. А заведовал этим отделом Сергей Сергеевич Козлов-Куманский - прекрасный человек и великолепный журналист. Так вот, в молодости он восемь лет отсидел по 58-й статье за антисоветскую агитацию. Кому, как не ему, можно было затаить обиду на партию. Но Козлов-Куманский умел отделить саму идею от ее проводников. А вообще, странная закономерность: легче всего расстались с партией те, кто был ей обязан всеми благами.

- **Позволю себе с вами не согласиться. Многие выходили из партийных рядов тоже по каким-то своим убеждениям. Например, не хотели, чтобы их отождествляли с теми коммунистами, кто достаточно подгадил как самой партии, так и идее социальной справедливости. Кстати, я думаю, что социальная справедливость такой же миф, как и независимая пресса.**

- Мы не жили при коммунизме...

- **Вот выберем Зюганова президентом, снова начнем строить коммунизм. Раз мы уж заговорили о выборах, какой бы совет Вы дали нашим журналистам. Ясно, что в этот период роль прессы возрастет.**

- Призывать к честной предвыборной борьбе - нелепо. Призывать не продаваться — наивно. Единственное, что бы посоветовал —

действовать в рамках существующего законодательства. И помнить, что выборы проходят, а мы остаемся. Чтобы не стать заложником той ситуации, которую сами и создали, необходимо научиться просчитывать на несколько шагов вперед.

- **Ваша судьба вновь совершила вираж: вы ушли с телевидения и нынче являетесь советником главы администрации области. Это сознательный или вынужденный выбор?**

- И то, и другое. Почему вынужденный? При ВГТРК создается холдинг, явно рассчитанный на предстоящие выборы. Уверен, что мнения руководителей региональных телекомпаний учитываться никак не будут. Это полное закабаление. Поэтому я вынужден был сознательно пойти на должность, которую мне предложили. Сегодня выбор работы, увы, мало зависит от моего желания. Впрочем, я не одинок.

- **Вы верите в судьбу?**

- Вообще-то, я фаталист.

- **По-вашему, чего было больше в жизни - хорошего или плохого?**

- Чтоб не гневить ту же судьбу, скажу: хорошего. Потому что, даже если тебя жизнь бьет и загоняет в угол, все равно это лучше, чем тихое прозябание.

- **Но у журналиста сколько угодно возможностей таким образом «наслаждаться» жизнью.**

- Знаете, что я думаю: мне, в общем-то, повезло, что с 17 лет с небольшими перерывами занимался этим каторжным трудом. Он меня обогатил таким жизненным опытом, как ни одна другая профессия. Но ежели бы мне пришлось сегодня делать выбор, вряд ли бы стал журналистом. Если б только судьба тому не поспособствовала.

- **Почему?**

- Потому, что я журналист из другого мира. В том, утраченном нами мире, были иллюзия и романтика. В этом, нынешнем, преобладают

прагматизм и цинизм.

-

Анна ЛАПИКОВА

«Рабочий путь», 13 августа 1999 г.